

ПАРАДИГМА ЭЛЕМЕНТАРНОГО ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА¹

1. Понятие «парадигма»

Термин «парадигма» в языкознании подразумевает образец словоизменения определенных частей речи, в частности – разных типов склонения и спряжения, которые демонстрируются на примере конкретных слов. Смысл его расширяется и немного меняется, когда он используется для представления системы словоизменения частей речи. В этом случае парадигма имеет вид таблицы или ряда таблиц, где в упорядоченном виде предстают все типы склонения или спряжения с учетом всех переменных каждой части речи (падеж, число, род существительных; лицо, число, время, наклонение глаголов и др.). Для этого к той или иной основе присоединяются грамматические аффиксы. Конкретная основа представляет свой класс, а аффикс – данную форму, единую для всего подразумеваемого ею класса.

Слова как единицы языка входят в состав определенной части речи, имеющей свою парадигму, то есть систему форм, в рамках которой они сохраняют тождество самим себе. В науке существует представление о парадигмах существительного, прилагательного, глагола. В рамках частеречных парадигм возможны более частные «субпарадигмы»: например, в субпарадигме русского глагола совершенного вида нет места для настоящего времени, а формы будущего времени иные, чем в субпарадигме несовершенного вида. Но эти различия не мешают отождествлению видов в общем представлении о глаголе, который тем самым предстает как «гиперлексема». В сфере существительного тоже выделяются разряды слов со специфическими субпарадигмами: например, имена *pluralia tantum* и *singularia tantum* не имеют числа как переменной; есть и несклоняемые слова типа *deno*, *жюри*, что не мешает им быть существительными.

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ (грант № 01-04-274а).

2. Понятие «парадигма» в синтаксисе

В последнее время сфера употребления термина «парадигма» расширяется. Это говорит о стремлении к более высокому уровню лингвистических обобщений, но одновременно влечет за собой изменения в семантике термина и нарушает строгость научного рассуждения. Поэтому его употребление требует уточняющих оговорок.

Я исхожу из понимания **парадигмы** как системы грамматических мест, в которой сохраняется тождество языковой единицы данного грамматического класса. Свою парадигму имеют и фонемы, и двусторонние сущности – морфемы, слова, предложения. Структура парадигмы каждого типа языковых единиц определяется категориями, в рамках которых эта единица варьирует, оставаясь тождественной самой себе.

Понимаемая в этом смысле, парадигма выглядит объективной. Но так как она существует в рамках науки, за нею стоят теоретические представления построивших ее людей. И с этой точки зрения наши представления о парадигмах в какой-то мере всегда субъективны и заслуживают обсуждения и контроля. В особенности же это относится к таким сферам языка, в которых система единиц и их парадигмы еще не прошли проверки временем.

В сфере морфологии «образцовые» парадигмы изменяемых частей речи на материале изученных языков сложились давно. В качестве «системы ожиданий» они проецируются на малоизученные языки, но в силу своеобразия систем морфологических категорий здесь они выглядят во многом иначе. В синтаксисе представления о парадигмах только складываются, прежде всего, с опорой на морфологические категории и парадигмы. Как в морфологии разные части речи имеют каждая свои типы парадигм, так и в синтаксисе разным типам выделяемых единиц соответствуют собственные парадигмы.

Парадигмы частей речи надстраиваются над множествами слов как знаками лексико-морфологического уровня. В синтаксисе должны быть свои парадигмы, надстраивающиеся над многообразием предложений. Простые и сложные предложения имеют разные парадигмы, взаимно противопоставленные друг другу. Эти типы единиц принадлежат двум уровням синтаксической системы, и каждый тип представлен своими системами форм языковых единиц, своими типами варьирования и парадигмами. Общая парадигма сложного предложения относительно проста. Ее контуры на материале алтайских языков были обрисованы в работах нашего коллектива в 80-е гг. [Предикативное склонение..., 1984; Структурные типы..., 1986]. В данной статье будут обсуждаться преимущественно проблемы парадигм простого предложения.

3. Элементарное простое предложение как объект парадигматического варьирования

Объектом синтаксической парадигмы может быть только **элементарное простое предложение** (ЭПП). Это главная синтаксическая единица, синтаксическая сущность любого языка.

Как единица языка простое предложение предстает как структура, вершиной которой является предикат, управляющий обязательными именными позициями. Их может быть не более четырех (в этом числе и нуль). Предложение, содержащее эти и только эти компоненты, называем **элементарным монопропозитивным простым предложением**.

ЭПП понимается как минимальная самодостаточная синтаксическая единица языка, которая состоит из **предиката** (глагольного или именного) и тех **обязательных** именных компонентов (актантов), которых требует данный предикат, без которых его семантика как предиката именно данной модели не раскрывается.

В системе науки ЭПП могут быть отражены только при помощи **моделей**, которые представляют собой цепочки (или нелинейные конфигурации) символов, подразумевающих формы и смыслы их лексических компонентов. В речи и текстах ЭПП реализуются через фразы, которые обычно содержат и факультативные компоненты, устраняемые в процессе анализа. Иллюстрируются ЭПП предложениями (фразами), освобожденными от избыточности.

Только модель делает ЭПП «видимым». Независимо от того, известны ли эти модели науке, они существуют в языковом подсознании носителей языка и через практику устного и письменного общения наследуются новыми поколениями.

Средством графического представления модели являются **структурные формулы (схемы)**, в которых с помощью символов разных типов фиксируется план выражения взаимно противопоставленных единиц этого уровня. Такая формула эксплицирует важнейшие признаки единицы языка и гарантирует тождество данной единицы языка самой себе при любом разумном лексическом наполнении символов.

Для записи классов предикатов, предикативов, актантов и локализаторов в формулах могут использоваться разные символы, например, буквенные: глагольный предикат – *V*, субстантивный актант – *N*, адъективный компонент предиката – *A*; сокращения слов, например: (*cop*) – копула, или связка, в составе именных сказуемых; цифровые дескрипторы – маркеры падежей, сопровождающие символ *N*: *N*₁, *N*₂, *N*₃. Список выявленных нами релевантных падежей содержит сейчас 10 типов форм. Используются и другие символы – стрелки, разные скобки и др.

Символические обозначения на данном этапе работы найдены и определены еще не для всех позиций. Для обозначения позиций локализаторов (*где, куда, откуда*) в бытийно-пространственных моделях пока используются разные символы, например, символ *L* с дескрипторами: *L^{Loc}*, *L^{Adv}*, *L^{Del}*. По мере необходимости вводятся дополнительные символы и дескрипторы. Например, предикаты сравнения, традиционно приравняемые к послелогам, представляются в виде прямой записи и обобщаются дескриптором *Pr^{Comp}*. Каждый из этих символов вводится в сопровождении указания на пределы его варьирования. Такого рода формулы моделей – например, *N₁ N₆ V_j; N₁ N₁ (cop); N₁ A (cop)* и др. – представляют лишь план выражения данных единиц языка.

Естественно возникает вопрос об **объеме парадигмы**, гарантирующей тождество каждой модели самой себе, или иначе – вопрос о том, каковы границы грамматического и семантического варьирования фраз, в которых сохраняется соответствие фразы данной модели ЭПП.

Конечно, смысловое варьирование реальных фраз, построенных по единой структурной формуле, бывает очень существенным. Поэтому могут возникать и возникают вопросы о двух (и больше) моделях с общей структурной формулой. Однако омонимия моделей – явление редкое, даже сомнительное. Диапазон семантического варьирования в рамках одной модели бывает очень широк, но он всегда связан со сдвигами в семантике лексических компонентов и/или отношений между ними. За каждой моделью стоит открытое множество фраз единой структуры с единым инвариантным синтаксическим смыслом, который необходимо выявить.

Общее множество моделей ЭПП каждого языка являет собою систему. За каждым символом, входящим в формулы моделей, стоят определенные, заранее оговоренные, объективно ограниченные переменные. Это предполагает осознание разных типов ограничений и фиксацию этих переменных. В той мере, в которой эти условия выполняются, мы получаем право ставить вопрос о **парадигме предложения**. Но, конечно, сначала нужно хотя бы предварительно определить, что должна представлять собой эта парадигма как система форм, какие формы должны в ней мыслиться и как можно наглядно и вразумительно представить ее.

4. Принципы построения синтаксических парадигм

Прежде всего нужно четко признать **закрытый** (на каждый данный момент) характер множества ЭПП каждого языка, увидеть в этих множествах **системы с конечным и относительно небольшим** числом элементов. Пределы системы обусловлены тем, что объем оперативной памяти человека ограничен и выход за ее пределы разрушителен. О количестве ЭПП (и представляющих их моделей) в том или ином языке пока трудно

судить. Условно я принимаю, что это число не должно превышать 100 (в изучаемых языках их выявлено значительно меньше).

Для всех типов ЭПП данного языка (для всех моделей) парадигма должна строиться **на единых основаниях**. В основу нашего представления о парадигме ЭПП положены следующие представления.

1) Поскольку система базируется на противопоставлениях, она может быть представлена схемой типа «дерево». Вершиной дерева является абсолютный минимум предложения – самодостаточный предикат (ср. *Смеркается. Рассветает*). Предложения с глагольными предикатами противостоят именным, сказуемое которых содержит и лексический, и грамматический компонент (актуальную или потенциальную связку).

2) В рамках этих типов модели и их структурные схемы противостоят друг другу по количеству компонентов (предикат + 1-3 актанта, включая локализаторы).

3) Омонимия, то есть случайное совпадение формул структурных схем, в принципе должна быть исключена.

4) Для записи структурных схем ЭПП используется система символов. Каждый символ должен подразумевать все стоящие за ним «разрешенные переменные».

5) Самая трудная часть задачи – лаконичное и точное отражение содержательной (функциональной, смысловой) стороны символов. Здесь еще предстоит большая работа.

6) Каждый символ должен подразумевать все соотнесенные с ним грамматические категории предложения и их грамматические варианты.

Структура парадигмы ЭПП не может быть простой, но она должна быть логически выводима, должна разворачиваться последовательно, с опорой на морфологию, но в расширительном ее понимании. В итоге она должна быть обозримой и достаточно просто запоминаться.

Прежде всего должна быть построена та часть **грамматической парадигмы предложения**, которая отражает его собственно **грамматическое категориальное** варьирование. Оно должно рассматриваться с учетом двух тесно связанных, но в то же время противопоставленных типов «**постоянных**» и «**переменных**». Это, во-первых, варьирование сказуемого, а во-вторых, варьирование его именного окружения, конкретнее – изменение форм, а тем самым и свойств, качеств именных компонентов, которых требует сказуемое.

Предложение подвержено и другим видам варьирования, связанным, в частности, с его функционированием в речи, с его коммуникативными функциями (сообщение, вопрос, побуждение; тема-рематическое членение; синтаксические модальности и др.). Но такие варианты остаются за рамками **грамматической парадигмы** и в рамках данной работы рассматриваться не будут.

5. Варьирование актантов в пределах парадигмы

Диапазон варьирования именных компонентов (актантов одной модели), допустимых и закономерных в одной позиции, может быть очень разным. Вариативность грамматической формы некоторого именного компонента одной модели, не нарушающая тождества модели самой себе, может быть обусловлена разными причинами и иметь разный характер. В составе некоторых типов моделей ЭПП бывают именные позиции, допускающие и предполагающие как узкое, так и широкое лексико-грамматическое варьирование. Здесь возможно несколько типов грамматических ситуаций.

а) Синтаксическая функция прямого дополнения, в формулах моделей представленная символом N_4 , может выражаться самыми разными способами. Так, в якутском языке она выражается пятью разными падежными формами, в тюркских языках Южной Сибири – тремя: винительным, «неопределенным» и исходным. Эти формы взаимно противопоставлены по смыслу, но их конкретная семантика не противоречит их единству как форм прямого объекта. В русистике не принято говорить о разных падежах прямого дополнения, «эвфемистически» говорят о четырех «формах» винительного падежа, три из которых совпадают с формами других падежей: *вижу Марусю* (Вин.п.), *вижу отца* (=Род.п.), *вижу лошадь* (=Им.п.), *выпил кваску* (частичный падеж). При отрицании форма винительного падежа закономерно меняется на форму родительного: *не вижу лошади*=и. Но в русском эти разные формы функционально не противопоставлены, в тюркских же каждая форма, оставаясь в рамках «прямого объекта», имеет свою функциональную «зону».

б) Функция делиберативного объекта, темы и содержания сообщения, при одних и тех же глагольных предикатах выполняется двумя падежными формами: аккузатива (*что говорил или слышал*) и делибератива (*о чем говорил или слышал*). Эти различия, фиксируемые на уровне падежного оформления имен, на уровне моделей предложения, по-видимому, не релевантны.

в) Еще более многообразно управление пространственных предикатов с семантикой местонахождения и перемещения в пространстве. При них обязательны актанты-локализаторы, по своему статусу приравняемые к актантам. Их конкретная форма, в отличие от актантов, не предопределяется предикатом: предикат прогнозирует лишь определенный класс падежных и падежно-последовательных форм, задает лишь определенный угол зрения, определенный грамматический поворот именной лексемы, получающий выражение в той или иной конкретной форме из большого набора форм, допустимых в данной позиции.

Локальным функциям (локализации, адлокации и делокации) во всех языках соответствует очень широкое множество форм. В одних языках эти

отношения выражаются специфическими локальными падежами, которые дополняются комбинированными конструкциями со служебными словами, в других используются падежно-предложные и последовательные комбинации или предложно-последовательные внепадежные формы. С точки зрения моделей предложения релевантны только функционально противопоставленные множества форм, отвечающие основным локативным оппозициям.

г) В структуре разных моделей – одноактантных, двухактантных и трехактантных – одна и та же морфологическая «единица» часто выполняет существенно разные функции. Например, в предложениях типа *Мне холодно / Солдат обрадовался награде / Учитель вернул ученикам тетради* датив выполняет семантические роли субъекта состояния, каузатора эмотивного состояния и реципиента соответственно. Поэтому одна и та же форма актанта в составе разных моделей не может (не должна) считаться тождественной самой себе, поскольку она по-разному связана с предикатом и с другими именными участниками.

Таким образом, от предиката исходит сила, управляющая именами «предметно-качественных» участников пропозиции. В одних случаях предикат однозначно диктует актанту или актантам предсказанные формы, в других указывает на больший или меньший класс форм, между которыми допустим или необходим выбор.

Вариативность категориальных признаков, зафиксированных в формулах модели, – это отклонение от простейшего ожидания. Обычно реальность оказывается сложнее схемы, с которой начинается ее понимание.

6. Варьирование сказуемого в пределах парадигмы ЭПП

Парадигма сказуемого принципиально отличается от парадигмы глагола. Она должна быть ориентирована на определенную модель предложения, должна охватывать все те формы, которые может принимать как глагольное, так и именное сказуемое – предикатив, оставляя предложение той же самой языковой формой. Парадигма сказуемого – это упорядоченное множество грамматических, лексико-грамматических и лексических форм, которые не нарушают принадлежности предложений к классу одной и той же модели.

Это значит, что репертуар форм, в рамках которого модель сохраняет тождество, объединяет не только все формы «лица, времени и наклона», но и все другие лексико-грамматические формы предикатов, кроме тех, которые требуют изменения системы валентностей исходной лексики, то есть за исключением залоговых производных².

² Замечу попутно, что вопрос о месте конструкций, формируемых залоговыми производными, заслуживает специального внимания и, возможно, его постановка и обсуждение при-

Это значит также, что конкретная лексическая семантика глагольного предиката тоже становится нерелевантной. Важна лишь та компонента лексико-грамматического содержания глагола, которая предопределяет данную систему валентностей. Иначе говоря, лексический состав предикатов каждой модели определяется наличием заданного количества и качества сильных валентностей, то есть таких, незаменимость которых словами в предсказанной предикатом форме влечет за собой оценку этого предложения как формально неправильного, «неотмеченного».

Названные выше категории лица-числа и времени-наклонения фиксируются в грамматической парадигме глагола. Вопрос о **грамматических категориях предиката (сказуемого)**, которые должны определять собою грамматическую парадигму ЭПП, пока остается открытым. Требуется ясности, прежде всего, вопрос о том, в какой мере и в каких отношениях парадигма ЭПП должна совпадать с парадигмой глагола как части речи, во-вторых, чем парадигма глагольного предложения должна отличаться от парадигмы именного, и, в-третьих, что объединяет все типы парадигм ЭПП.

Другой вопрос связан с именным сказуемым, которое представляет собой единство **связки** как «представителя глагольности» и **предикатива** как носителя конкретной предикатируемой семантики. В составе именного сказуемого формальная позиция глагольной связки присутствует постоянно. Но она отнюдь не тождественна позиции предиката в глагольном сказуемом. «Чистая» бытийная связка берет на себя те функции, которые в глагольном сказуемом выполняет предикат своими формами времени-наклонения и грамматического лица. Другие глаголы в функции связки, кроме названных категорий, выражают некоторые другие грамматические значения, в первую очередь значения аспектуального и модального типа. Но эта семантика выражается лексико-грамматически, и эта роль ложится, прежде всего, на основу вспомогательного глагола. Поэтому грамматические и семантические функции разных связок заслуживают специальной индивидуальной расшифровки. Надо быть готовым к тому, что эти смыслы выйдут за рамки привычных представлений об аспекте и способе действия или о наклонениях и модальности.

В тюркских языках глаголы, выступающие в грамматикализованной функции «вспомогательных», многочисленны и разнообразны, они участвуют не только в составе именных, но и в составе глагольных сказуемых — достаточно напомнить глаголы *бер* = ‘дать’ и *ал* = ‘брать’ в роли показателей направленности действия в чью-то пользу, или *көр* = ‘смотреть; видеть’ как показателя «пробного» действия. Эти функции выходят далеко

за привычные рамки грамматических смыслов, выражаемых с помощью вспомогательных глаголов.

Границы «множества связочных форм» в изучаемых языках весьма относительны, их система заслуживает скорейшего целенаправленного и массивного исследования. Но именно через связку и «вспомогательные глаголы» на именные предложения распространяется общая, хотя и несколько упрощенная парадигма, в структуре которой глагол предстает как «базовый формализованный предикат».

Парадигма глагола как части речи много сложнее, чем парадигмы имен, но она обозрима. Ее внутренняя структура относительно прозрачна и определяется грамматическими категориями глагола. Традиционно выделяемые предикативные категории глагола — **лицо-число, наклонение и время** — недостаточны, когда речь идет о предложении, а не о глаголе. К ним нужно добавить четвертую — бинарную категорию **отрицания**. Она осталась за рамками традиционного представления о парадигме, поскольку в языках, на базе которых оно формировалось, отрицание не морфологично. Но в тюркских языках показатель глагольного отрицания открывает собою цепочку аффиксальных показателей грамматических значений глагольной формы.

7. Грамматические категории глагола как ядро синтаксической парадигмы предложения

Собственно грамматическое варьирование глагольной лексемы определяют четыре грамматические категории: лица-числа, времени, наклонения и отрицания. Никто не сомневается в лексическом тождестве форм *увиджу / увидишь / увидел, увидим / не увидим, увидел / увидел бы / не увидел бы / увидь / пусть увидит* и др. Парадигма глагола гарантирует тождество глагольной лексемы в этих рамках. Эти формы одного глагола описывают одно и то же действие в разных его грамматических проекциях и составляют центр общей системы варьирования **предложения как единицы языка**.

1. **Объем категории лица**, т. е. состав грамматических значений и выражающих их взаимно противопоставленных форм, в разных языках колеблется от 5 до 9 и более. Эта категория содержательно и формально организована сложнее, чем кажется на первый взгляд. Все формы, кроме формы 1-го л. ед. ч., передают более одного грамматического значения: безличное, обобщающее, неопределенно-личное, вежливое; побудительные формы имеют «двойственное лицо» (алт. *бар*=ак, ср. *бар*=алык, *бар*=алы ср., рус. *пойдем-ка (мы с тобой), пойдём=те*).

2. **Категория наклонения** выражает различные отношения между представлением о действии как таковом и осуществленностью действия.

ведут к усложнению представления о границах и типах варьирования ЭПП и к другому пониманию структуры парадигмы ЭПП. Но пока эти проблемы мы оставляем «за скобками».

Грамматическая традиция различает «реальные» действия, которые мыслятся как уже происшедшие, происходящие или «имеющие произойти». Говорящий видит или мыслит их осуществленными. Им противостоят формы «нереальных» наклонений. Класс реальных форм составляет изъявительное наклонение. Ему противостоит класс форм, представляющий разного рода мысленные проекции действий. Эти формы несколько условно объединяются в представлении о «косвенных наклонениях», состав которых в разных языках очень различен. В русской грамматике мысленные проекции действий выражаются двумя наклонениями – повелительным и сослагательным. Они представляют действия, которые не совершились, но должны (повелительное), могут или могли бы совершиться (сослагательное), например: *Я бы упал* (не поддержи он меня); *А ты бы сходил к нему*.

Повелительное наклонение в системе наклонений занимает особое место, противопоставляясь, с одной стороны, изъявительному, с другой – сослагательному. Оно выражает обращенное к адресату требование осуществить действие *прямо* (2-е л. ед. и мн.ч.) или *косвенно*, через посредника, к которому обращена речь (3-е л.: *Пусть (он) принесет*). Формы 1-го л., относимые к повелительному наклонению, выражают «самопобуждение» говорящего к совершению названного действия – ср. рус. *Пойду-ка я спать!*

Косвенными называются наклонения, которые представляют действие как не имеющее места в реальной действительности, но только в воображении. В тюркских языках класс нереальных наклонений богаче, чем в русском, и его внутренняя структура сложнее. Кроме трех, аналогичных русским, выделяется еще целый ряд специфических косвенных наклонений. Например, во многих языках отмечается близкое к императиву (повелительному) желательное наклонение (оптатив), согласительное, условное и др. Тюркскую форму на =*ca* нередко называют **условным** наклонением, но функции этой формы гораздо шире. Форму на =*галак* называют иногда **наклонением «еще не совершившееся действия»**, но в разных тюркских языках ее семантика различна: например, в тувинском она выражает ближайшее будущее, непосредственно ожидаемое событие. Если в принципе мы включаем будущее в систему индикатива, то должны признать реальность будущего и этой формы [Ооржак, 2002]. В алтайском можно выделить косвенное **долженствовательное** наклонение, выражаемое формой на =*атан*. О формах на =*гандый* (алт.), =*гандай* (хак.), =*гу дез* (тув.) можно говорить как об **ирреально-сравнительном** наклонении. Выделяют также «**согласительное**» или «**допустительное**» наклонение – формы на =*гадый* и на =*гай*. Возможно, что к числу наклонений следует отнести и общетюркскую форму **пробного действия**, которая выражается аналитической формой *Tv=n + köp*. Все эти формы спрягаются и имеют личностно-числовую парадигму. Однако стоит заметить, что для многих из этих форм

функция наклонения является лишь одной из нескольких и не всегда ведущей.

Категория наклонения должна входить в парадигму глагола. Но понимание отношений между понятием «косвенных наклонений» и модальности остается расплывчатым и настоятельно требует теоретического осмысления. Для языков, еще не имеющих сложившейся традиции описания и терминологии, особенно важно осознать соотношение таких понятий, называемых «наклонениями», «модальностью», «эвиденциальностью» и др.

3. Грамматический показатель **категории времени** в составе словоформы следует только за одним наклонением – реальным, индикативом. Внутренняя структура категории времени в тюркских языках проще, чем структура категории наклонения. Но, говоря не о глаголе, а о предложении, нельзя ее искусственно ограничивать синтетическими формами.

Изъявительное наклонение не имеет собственной грамматической формы, оно выражается опосредованно, через формы времени. Остальные наклонения форм времени не имеют. В морфологической структуре тюркского глагола аффиксальные показатели времени занимают ту же позицию, что и аффиксы наклонений: они связаны отношениями дополнительной дистрибуции, что свидетельствует об их глубинном функциональном единстве. Поэтому отношения между временем и наклонением естественно интерпретировать как дополнительные (то есть как отношения двух проявлений единой сущности).

В состав изъявительного наклонения входят все временные формы данного языка. Среди них выделяются формы «**абсолютных**» времен, для которых точкой отсчета является момент речи. Считается, что абсолютных времен только три и не может быть больше. По разным причинам количество форм, выражающих временные значения, обычно бывает больше двух и трех. В бурятском языке категория времени представлена пятью формами: и прошедшее, и будущее выражаются двумя разными формами, противопоставленными по признаку «близко / далеко от момента речи». В большинстве языков временных форм больше, а иногда и меньше трех. Но изначально эта категория бинарна, в ней взаимно противопоставлены либо «прошедшее / не прошедшее», либо, реже, «будущее / не будущее». Тюркские языки и русский относятся к первому типу. Базовых форм прошедшего времени в тюркских языках две: =*ган* и =*ды*, но отношения между ними в разных языках разные. В русском каждая форма времени конкретного глагола выражает и видовые значения. В тюркских языках Южной Сибири в выражении времени активно участвуют аналитические формы, несущие определенный аспектуальный «заряд». Так что общее число форм, выражающих временные отношения событий, здесь существенно превышает необходимый минимум. Но форм, выражающих **только** темпоральные отношения, в языках может вовсе не быть.

В тюркских языках, где базовым является отношение времен «прошедшее / не прошедшее», отношения между формами настоящего и будущего времени сложны. В их выражении участвуют аналитические формы, которые имеют сильную тенденцию к вторичной синтетизации. Вспомогательный глагол стремится к «срастанию» с аффиксальной частью знаменательного глагола. Например, хакасский формант настоящего времени =*чатхан* состоит из корневой морфемы вспомогательного глагола *чат* = 'лежать' и аффикса причастия прошедшего времени =*ган*; в алтайском показатель настоящего времени =*ат* – остаток того же глагола *јат* = 'лежать'. В то же время простая форма причастия прошедшего времени на =*ган* нередко передает настоящее время. Аналитические формы времен широко функционируют во всех временных сферах. Количество и конкретный состав форм, выражающих временные значения, в каждом языке свой, они должны быть зарегистрированы в грамматиках каждого языка. Но, к сожалению, адекватных современных грамматик тюркские языки Сибири еще не имеют. Изменения же в этой сфере происходят буквально на наших глазах.

Категории **времени-наклонения**, по всей видимости, должны быть объединены в одну «гиперкатегорию», в рамках которой выделяются более конкретные типы значений. Центр этой системы – подсистема форм изъявительного наклонения, представленная взаимно противопоставленными рядами лично-временных форм. Периферия – это система предикативных аналитических форм аспектуальной и модальной семантики, маркированных «косвенных» наклонений, не соотносенных с грамматическим временем, и некоторые другие, пока не нашедшие своего места в системе (очевидность, эвиденциальность и др.).

4. Категория **отрицания** – одна из основных грамматических категорий глагола, а значит, и предложения. Но в описаниях языка ей уделяется мало внимания. Возможно, это обусловлено тем, что в европейских языках, в том числе в русском, она выражается аналитически, а потому остается за рамками парадигмы. В тюркских языках негация маркируется аффиксально (в языках Сибири – при помощи аффикса =*ба*=), а положительное значение выражается отсутствием этого показателя. Аффикс =*ба* занимает позицию перед аффиксом времени / наклонения, что отражает его большую относительную лексичность. В современных сибирских языках иногда используются аналитические способы глагольного отрицания – слова *јок* / *чок* с причастно-глагольной формой и служебное слово *эмес*.

8. Блоки парадигмы предложения, не опирающиеся на морфологические категории глагола

Грамматические категории глагола, о которых речь пойдет ниже, не гарантируют лексического тождества глагола. Выражающие их формы сохраняют лексико-семантическую близость к исходной глагольной лексеме, но часть грамматической парадигмы ЭПП, расположенная за границами «ядра», уже не входит в парадигму глагола как части речи. Ее составляют, прежде всего, аналитические конструкции, обслуживающие предложение и сказуемое как его вершину. Очень богатая и разнообразная глагольная аналитика в тюркских языках принадлежит не парадигме глагола как части речи, а близко родственной ей, «продолжающей» её парадигме грамматического варьирования предложения.

Парадигму предложения определяют прежде всего две родственные лексико-грамматические категории – аспекта и способов действия, или «акционсартов». В отличие от форм, рассмотренных выше, эти формы не только выражают оттенки лексических значений, но и содержат лексико-грамматическую сему, которая модифицирует качественную или количественную характеристику, «меру» названного действия или состояния. Преобразованное лексическое значение отличается от исходного не резко, но глагольное слово становится уже другой лексическо-семантической единицей.

1. Категория **аспектуальности** в тюркских языках – одна из важнейших лексико-грамматических категорий как глагола, так и предложения. Она соотносительна с русским видом, но виды бывают адекватно представлены парами глаголов (*купить* – *покупать*, но не *закупать*). В тюркских же языках представлены не «пары», а аспектуальные группы, объединяющие функционально однотипные аналитические формы одной глагольной основы, или родственные глаголы, противопоставленные друг другу аспектуальными смыслами и избирательной сочетаемостью с теми или другими знаменательными глаголами.

Аспектуальные характеристики могут даваться под разными углами зрения. Но важнейшая оппозиция – это оппозиция между действием, свободно протекающим и развивающимся во времени, и таким действием, развертывание которого «сведено в точку» либо начала, либо его естественного завершения.

Все русские глаголы принадлежат либо одному, либо другому виду и, как правило, имеют «пару» другого вида. Но способы образования таких пар разнообразны: *убить* / *убивать* (суффиксальный), *бить* / *побить* (префиксальный), *забежать* / *забегать* (чередование) и др. Каждый вид располагает своими вариантами смысла и способами его выражения.

Аспект тоже является лексико-грамматическим свойством лексемы, противопоставляющим одну лексему другой с тождественным корневым значением. Но в тюркских языках сами эти лексемы аналитичны, то есть вторичны: их лексическим компонентом является деепричастие, аспектуальную характеристику передает финитный глагол, принимающий все грамматические показатели. Сочетаемость многих вспомогательных глаголов ограничена определенным кругом полнозначных глагольных основ. Все простые глаголы, выступая в роли сказуемых, регулярно принимают аналитические аспектуальные формы.

Центральная оппозиция, формирующая тюркскую категорию аспекта, – «дуративность / предельность». Дуративность передается формами с четырьмя глаголами «бытия» (*тур*= ‘стоять’, *чат*= / *јат*= ‘лежать’, *чор*= / =*јүр* ‘ходить’ и *отур*= / *олур*= ‘сидеть’ [Тазранова, 2002]).

(алт.)

Чейнеш энезине самара бичип турды.

Чейнеш=∅	эне=зин=с	самара=∅	бичи=п
Чейнеш=NOM	мама=POSS/3SG=DAT	письмо=NOM	писать=CV
тур=ды=∅			
AUX: стоять=PAST=3SG			

‘Чейнеш писала матери письмо’.

Предельность выражается другой группой аналитических форм: в нее в разных языках Сибири входит около 10 глаголов (*сал*= ‘класть’, *ий*= / *ыт*= ‘посылать’, *кой*= – вспомогательный глагол, который в аналитических конструкциях вносит значение завершенности, *кон*= ‘ночевать’, *кал*= / *каг*= ‘оставаться’, *бер*= ‘дать’, *ал*= ‘брать’, *бар*= ‘идти от говорящего’, *кел*= ‘идти к говорящему’ и др.). Близость значений в рамках группы не вызывает сомнений, но конкретные закономерности использования каждого глагола ожидают дальнейших специальных исследований.

(алт.)

Чейнеш энезине самараны бичип салды.

Чейнеш=∅	эне=зин=с	самара=ны	бичи=п
Чейнеш=NOM	мама=POSS/3SG=DAT	письмо=ACC	писать=CV
сал=ды=∅			
AUX: класть=PAST=3SG			

‘Чейнеш написала матери письмо’.

2. Категория «способов действия», или «акционсартов», противопоставит категории аспектуальности как более частная. Ее выражают аналитические конструкции с деепричастием (в основном на =а) в сопровождении вспомогательных глаголов (=а кон=, =а сал=, =а / =п тарт= и др.).

Аспектуальные формы по-разному представляют характер протекания действия, представляя его протяженным во времени или свернутым в точку. Акционсартные же формы по-разному характеризуют его темпы – интенсивность, стремительность или, наоборот, замедленность. Такие конструкции, а точнее – своеобразные аналитические лексемы, функционально противопоставляются простым. Смысловое расстояние между простым глаголом и производным, аналитической формой (или лексемой?) невелико, а способ выражения каждого смысла стандартен. Это говорит о грамматичности аспекта. Но многие знаменательные глаголы в подобных конструкциях допускают семантически мотивированный выбор между несколькими вспомогательными глаголами. Для выражения аспектуальных и акционсартных значений используется более двадцати аналитических конструкций. Закономерности их организации и своеобразие их значений в тюркских языках отражены в работах В. Н. Насилова [1947], А. Т. Тыбыковой [1966], Н. О. Оралбаевой [1971], Н. Н. Курпешко и Н. Н. Широбоковой [1991], И. В. Шенцовой [1997], Л. А. Шаминай [1998; 2002], А. Р. Тазрановой [2002] и др. Но многие аспекты этой проблемы еще ожидают дальнейших исследований.

Парадигма глагола кончается перед этими категориями. Здесь уже нарушается лексическое тождество глагольного слова самому себе. Аспект и акционсарт начинают собою парадигму сказуемого и предложения. Во фразах (алт.) *Мен сенинг сөзиге кайка=га-м* ‘Я удивляюсь твоим словам’ и *Сен менинг созиме кайка=ба=ды=н ба?* ‘Ты не удивился моим словам?’ грамматист видит один и тот же глагол. Но обосновать утверждение о лексическом тождестве глагола в бивербальных конструкциях с разными вспомогательными глаголами трудно.

(алт.)

Мен айлымнаг чыг=ып јад=ым.

мен=	айл-ым=наг	чыг=ып	јад=ым
я=NOM	дом-POSS/1SG=ABL	выходить=CV	AUX: лежать=1SG

‘Я выхожу из дома’.

(алт.)

Мен айлымнаг чыг=а кон=го-м

мен=	айл-ым=наг	чыг=а	кон=го-м
я=NOM	дом-POSS/1SG=ABL	выходить=CV	AUX: ночевать=PP-1SG

‘Я выскочила из дома’.

Дойдя до категории аспекта, мы «пересекаем границу» тождества глагольной лексемы.

3. С подобной, но значительно менее разработанной проблемной ситуацией мы сталкиваемся и при анализе конструкций модального типа,

выходящих за рамки наклонений глагола. Тюркские языки Сибири богаты такими конструкциями. Но в работах 60–70-х гг. они еще теоретически не отграничивались от аспектуальных. В центре внимания был аналитический характер и конкретные смыслы этого типа конструкций. В конце минувшего века внимание к ним возрастает. Так, обращает на себя внимание известная разным тюркским языкам форма на =*нтыр*, явно восходящая к аналитической конструкции *Tv=n тур=*, семантика которой с большим трудом поддавалась интерпретации в качестве «видовой» или аспектуальной.

По мере того как эти конструкции изучались на материале многих языков, становилось все очевиднее, что аналитические конструкции, уже синтетизированные, как *Tv=нтыр*, или по-прежнему сохраняющие аналитическую форму, как *Tv=n тур=*, выражают одни – аспектуальные, другие – акционсартные, а третьи – модальные значения. А по мере дальнейших исследований обнаружилось и конструкции с такими оттенками смысла, которые не укладывались и в рамки модальных, – хотя и сейчас собственно модальные конструкции не описаны и не классифицированы под функциональным углом зрения. Попытки описаний такого рода были предприняты в диссертационных исследованиях: Ч. С. Ондар [1999] – на тувинском материале, А. А. Озоновой [1999] на алтайском. Многие конструкции, которые оценивались как модальные, в разной мере фразеологичны, что затрудняет их функциональную оценку и группировку.

4. В последние годы внимание лингвистов привлекли еще некоторые функциональные типы конструкций, которые не укладываются в рамки представления о модальности. Один из этих типов – конструкции, называемые эвиденциальными.

Термина **эвиденциальность** в лингвистическом словаре еще нет, но он уже употребляется лингвистами в значении «засвидетельствованность». «Засвидетельствованность» подразумевает, что данная форма, помимо лексического представления о действии, отражает определенный способ получения говорящим информации об этом действии (событии, о котором идет речь). Синтаксическая форма конструкции сказуемого указывает на способ получения сообщаемых сведений.

Категория «засвидетельствованности» предполагает, что грамматические формы сказуемых несут в себе информацию, дополнительную к основной, в частности, указывают на канал получения информации (видел ли говорящий происходящее «своими глазами», воспринимал ли на слух, слышал ли запах, например, костра) или степень достоверности (сведения, передаваемые с чьих-то слов, за достоверность которых сам говорящий ручается или не ручается). Состав таких форм тюркских языков Сибири пока еще не осознан и не выявлен в полной мере, но, возможно, под эту категорию могут перейти давно известные формы «очевидно-

сти / неочевидности». В круг эвиденциальных значений входят такие, как «заключение по следствию» (говорящий не был свидетелем события) и прямая засвидетельствованность (в семантику грамматической формы входит указание на источник информации: видел своими глазами, слышал, узнал по запаху, знаю от другого лица, заключаю по следствию).

В русском языке такая информация передается обычно с помощью вводных конструкций со свободным лексическим наполнением или при помощи изъяснительных предложений (рус. *как я слышал, мне показалось, я убежден, слышал своими ушами* и др.). Ср. также частицу *ведь*, которая апеллирует к фоновым знаниям.

В тувинском языке такого рода значение передается формой на =*ды*, которая, в отличие от других тюркских языков, используется только тогда, когда говорящий видел происходящее своими глазами. В других языках эта форма выражает большую достоверность сообщения по сравнению с формой на =*ган*. Во многих тюркских языках есть также формы на =*нтыр*.

В тюркских языках очень много и других аналитических глагольных конструкций, которые не могут претендовать на статус аналитических форм глагола. Они не встраиваются в систему форм глагольного слова, но, безусловно, являются полноправными формами сказуемого как верховного компонента предложения. На селькупском материале интересная серия конструкций этого типа описана в диссертации Л. А. Ильиной [2002]. Но исследования в этом направлении только начинают разворачиваться.

9. Несколько слов об инфинитных трансформах ЭПП

Нужно хотя бы очень коротко коснуться еще одного аспекта варьирования моделей ЭПП и их парадигмы. До сих пор речь шла только о моделях ЭПП как целостных, законченных и самодостаточных единицах языка. Но финитные сказуемые в каждом языке соотносятся со сложными системами инфинитных форм, которые, в свою очередь, определенным образом соотносятся между собой и образуют свою парадигму. Обе парадигмы, финитная и инфинитные, тесно связаны между собой и составляют две части единого целого.

Грамматические категории, свойственные финитному глаголу, определяют собой центральную часть грамматической парадигмы предложения как единицы языка. Глагол может иметь несколько лексико-семантических вариантов, различающихся количеством и качеством валентностей, что позволяет ему быть предикатом разных взаимно, противопоставленных моделей. Но от этого аспекта проблемы мы сейчас отвлечемся и примем, что в границах этой базовой парадигмы сохраняется и тождество предложения с данным, конкретным сказуемым.

Как синтаксическая единица языка предложение (его модель) не предполагает лексико-семантического тождества сказуемого, требуя от своих сказуемых лишь единой системы валентностей. Каждая модель ЭПП предполагает единую схему грамматических и смысловых отношений между компонентами. Под этим углом зрения требуют обсуждения возможности формально-грамматического варьирования сказуемого как синтаксической функции, а не финитного глагола как лексической единицы. Условие инвариантности модели – тождество структуры пропозиции, инвариантность валентностей предиката, а тем самым и отношений между предикатом и его актантами. Поэтому общее представление о парадигме предложения должно складываться как объединение финитной и инфинитной субпарадигм грамматического варьирования.

Намеченная выше финитная парадигма ЭПП соотносится с одной или несколькими парадигмами инфинитных предикатов, формирующих «зависимые производные» простых предложений (оборотов и зависимых предикативных частей, в разной мере осложняющих предложение, не делая его сложным).

Речь, таким образом, идет об инфинитных трансформах ЭПП, предикаты которых имеют свои системы валентностей. Общее множество таких конструкций можно подразделить на два типа, в одном из которых зависимый предикат сохраняет собственную подлежащую валентность, в другом – теряет ее, поскольку она «переключается» на внешний для данной предикативной единицы компонент, находящийся в составе доминирующей предикативной единицы.

Теоретическое представление об этой «субпарадигме» пока еще недостаточно проработано, и главная трудность на этом пути, как мне представляется, состоит в том, что само теоретическое представление о типах инфинитных форм как в языках мира вообще, так и конкретнее – в тюркологии и русистике, остается туманным.

В русистике основные представления об этих типах форм ограничиваются тремя понятиями, не имеющими строгих определений. Это причастие (краткое и полное, действительное, возвратное и страдательное, совершенного и несовершенного вида), деепричастие (совершенного и несовершенного вида, возвратное и невозвратное) и инфинитив (совершенного и несовершенного вида). В исторической грамматике упоминается супин. В тюркологии к ним добавляется представление об «именах действия», которое, как и представления о других инфинитных формах, наполняется разным смыслом применительно к формам разных языков.

Я уже писала о «непрозрачности» представления о деепричастии, под которое без тщательного обоснования подводятся или, наоборот, исключаются те или иные формы [Черемисина, 1977]. Много противоречий связано и с представлением о причастии как в русском, так и в алтайских язы-

ках. Так, в тюркских языках «одна и та же форма», например, алт. *ырла=ган*, может выступать как определение при существительном (*ырлаган чорчок* ‘пропетое сказание’), как конечное сказуемое (*ырлагам* ‘пою’), как зависимое сказуемое (*ырла=ган=ыбыс=та* ‘когда мы пели, поем’). В роли определения причастие трактуется как несклоняемая форма. Спрягаясь, она оценивается уже как глагол. Правомерно ли в системе синтаксиса во всех этих и подобных случаях видеть одну «форму глагола»? Видимо, уже настало время провести границу между морфологическим и синтаксическим подходами к пониманию языковых форм и тех оппозиций, которые их связывают и противопоставляют друг другу.

Связь между характером инфинитной формы и ее функцией в предложении не вызывает сомнений. Эти отношения описаны на материале многих языков, и эти описания показывают, что и состав таких форм, и их функции в каждом языке свои. Но четкого общего описания типологии этих форм и их функций, к сожалению, еще нет. А без этого синтаксическое описание не может быть последовательным и четким.

Те грамматические категории, которые определяют собой парадигму финитного глагола, одновременно представляют и центральную часть грамматической парадигмы предложения как самостоятельной единицы языка. В этих границах глагольная лексема тождественна самой себе. В них сохраняется и тождество предложения с данным, конкретным сказуемым, которое, как единица языка, варьируя грамматически, сохраняет тождество самому себе. Но, имея в виду модель предложения как синтаксической единицы языка, нельзя ограничивать ее теми рамками, которые гарантируют лишь лексическое тождество ее сказуемого. Если речь идет не о потенциальном множестве фраз, по-разному представляющих одну пропозицию, а о предложении как о синтаксической единице языка, этот тип парадигмы слишком узок.

Модель предложения предполагает единую схему грамматических и смысловых отношений между компонентами (при обобщенном понимании слова «смысл»). Но к «заместителям» каждой из своих позиций каждая модель предъявляет свои постоянные лексико-семантические требования и ограничения. Поэтому обсуждения требуют возможности формально-грамматического варьирования сказуемого как синтаксической функции, а не только финитного глагола как лексической единицы. Непременным условием инвариантности модели, сохраняющейся при варьировании форм сказуемого, должно быть тождество структуры пропозиции, инвариантность отношений между актантами, которые задаются валентностями предиката.

Можно попробовать сформулировать то представление о парадигме моделей ЭПП, которое складывается из парадигм грамматического варьирования разных ее сторон.

Грамматическая парадигма предиката модели определяется системой грамматических категорий глагола как части речи и его морфологической парадигмой. Она исчерпывается четырьмя, а обобщенно – двумя комплексными категориями: лица-числа и времени-наклонения.

Ее расширением является грамматическая парадигма **зависимого предиката** в составе моносубъектной конструкции. Эта парадигма определяется всеми теми же грамматическими и лексико-грамматическими категориями, которые присущи финитному глаголу, кроме субъектной валентности. Но и она не элиминируется, а лишь замыкается на компонент, локализованный вне данной предикативной единицы (в составе доминирующей над нею ПЕ). Речь идет об инфинитных трансформах ЭПП, при которых сохраняются все валентности, кроме залоговых, поскольку они связаны с перестройкой системы валентностей. Но подлежащая валентность «переключается» на внешний компонент, локализованный в составе доминирующей ПЕ.

Инфинитные трансформы предложений в разных языках, а тем более в языках разных типов, формируются по-разному. Поэтому и в грамматических традициях они оцениваются тоже по-разному. В русском языке использование инфинитных форм глагола ограничено «оборотами», которые могут разворачиваться за счет управляемых актанта и сирконстантов (дополнений и обстоятельств), но не могут иметь собственного подлежащего. Это ограничение четко противопоставляет их как самостоятельным предложениям, так и зависимым частям сложных, которые в русском языке организуются по тем же «финитным» грамматическим схемам, что и простые предложения и главные части сложных. Зависимая позиция этих ПЕ маркируется внешне – с помощью вводящих их синтаксических или семантических союзов. Поэтому в русской грамматике не выработалось особого теоретического представления о зависимой предикации. В тюркских же языках Сибири, как и в монгольских и тунгусо-маньчжурских, наоборот, преобладает морфологический принцип подчинения зависимой части – с помощью инфинитных форм зависимого сказуемого.

Поддавливающее большинство инфинитных форм в этих языках активно используется в сфере зависимой предикации, где действуют свои закономерности внутренней организации. Описание этих закономерностей требует своих теоретических представлений. Со временем, я не сомневаюсь, парадигматическое представление будет распространено и на эту сферу. Но пока мы должны ограничиться представлением о парадигме простого (неосложненного) предложения.

10. ЭПП – основа предложения и константа парадигматического варьирования

Основа предложения (которую представляет формула ЭПП), отображает действие (процесс или состояние) безотносительно к действительности, как не имеющее к ней никакого отношения. Предельно четко и наглядно отсутствие контакта с действительностью проявляется в формулах ЭПП, где словоформы заменены символами. Но эта абстракция легко ощущается и в контурах фраз с устраненными показателями грамматических категорий предиката. Например:

(алт.) *Ончозы ого удур эрмек айт* = – Все ему возража= (букв.: Все ему против предложение сказа=); (хак.) *Пулес тус нар* = – Стемне=; (тув.) *Анна чараи кыс бол* = – Анна – красивая девушка (была / будет).

Говорящий (пишущий) обязательно выбирает определенные показатели категорий, по-разному располагая описываемое событие относительно действительности, то есть представляя его как происходящее или не происходящее сейчас или как происшедшее (или не происшедшее) давно или недавно, как локализованное во времени или нет, как постоянное или регулярное, как «точечное», исчерпанное, или протяженное. Оно может предстать как побуждение, как приказ «произойти (происходить)», или как предостережение, или как запрет (как приказ не происходить, не производить действия), или как вопрос. Сравним:

(алт.) *Анда сени акказы јок азыра* = – Там тебя без денег накорм=:

азыра = *ар* – накормят

азыра = *бас* – не накормят

азырады – накормили

азырабады – не накормили

азыраар ба? – накормят?

азырабас па? – не накормят?

азыразын – пусть накормят

азырабазын – пусть не накормят

азыра = *бай а* – конечно же накормили

и т.д.

Анда мен сени акказы јок азыраарым – Там я тебя накормлю без денег.

азырабадым – (я) не накормил

азыраарым ба? – накормлю ли я?

азырабадым ба? – не накормил ли я?

азыраайн – накормлю-ка я

азырабайн – не накормлю-ка я

азырадым (ба?) – кормил (ли) я

Анда сен мени акказы јок азыраарыг – Там ты меня накормишь без денег.

азырабазыг ба – не будешь кормить?

и т.д.

Анда бис сени акказы јок азыраарыс / азырабадыс – Там мы тебя накормим / не накормили без денег.

и т.д.

Подобным образом можно «провести» любые предложения любого языка через систему грамматических преобразований. Например, основа тувинского предложения:

Капитан даргалар-биле чор= – Капитан с начальниками ход=.

Его конкретные реализации в речи:

Капитан даргалар-биле чор=уп тур=ган – Капитан с начальниками ходил; *Капитан даргалар-биле чор=уп тур* – Капитан с начальниками ходит; *Капитан даргалар-биле чор=уп тур=зын* – Капитан с начальниками пусть ходит; и т.д.

Приведенные примеры дают лишь начальное и очень скупое представление о том, «что может происходить» с одной и той же основой предложения в конкретных ситуациях. Парадигма же, в принципе, должна представлять **все** такие возможности. «Мощность» парадигм предложения и предиката, «глагольного слова» (или глагола в сочетании с именем) очень велика. Представить ее наглядно (написать, нарисовать) нельзя – невозможно и не нужно. Достаточно представлять себе системные отношения на уровне категорий и их значений, чтобы для каждого предложения в речи-тексте находить правильное системное место.

Наука еще не располагает сколько-нибудь полным парадигматическим представлением о предложениях какого бы то ни было языка. Тем не менее уже можно попробовать наметить контуры такой парадигмы для тюркских языков Сибири, последовательно рассматривая каждую категорию, начиная с самых простых и кончая наиболее сложной – категорией модальности.

В системе «язык» объектом варьирования является, конечно, не отдельная фраза, а элементарное простое предложение как единица языка. Эту единицу представляет модель.

Предложения речи-текста несопоставимо богаче модели. Каждое предложение, высказана ли в нем банальная мысль о том, что «Зимой бывает холодно, а летом жарко», или гениальная догадка об устройстве вселенной, является результатом речевого творчества человека. Все предложения построены по какой-то определенной структурно-семантической модели и вместе с тем каждое предложение неповторимо, уникально. Его лексическое наполнение не контролируется моделью. Кроме необходимых актантов, в нем могут быть факультативные дополнения и обстоятельства, сир-

константы, в том числе лексические уточнители грамматических значений или слова, координированные с грамматическими значениями предиката: *был, приходил – вчера; будет, придет – завтра, потом*. Поэтому далеко не каждое предложение, случайно выбранное из текста, можно «провести» через всю парадигму или хотя бы через значительную ее часть. Но парадигма предложения и не имеет в виду готовые речевые произведения, которые не могут и не должны меняться. **Парадигма имеет отношение только к моделям предложений.**

Именно от модели, и только от нее, можно ожидать, что она способна реализоваться в разных позициях парадигмы. В сущности, мы могли бы вообще не перестраивать предложения, а «просто» подобрать из разных текстов примеры, заполняющие клетки конструируемой парадигмы. Однако есть серьезные аргументы в пользу целесообразности использования приема преобразования базовых простых предложений. Важнейший из таких аргументов я вижу в том, что тождество лексического состава позволяет ясно ощутить свободно-переменный характер грамматической «оркестровки» предложения и индивидуальные «голоса» разных категорий в этом оркестре. Разный лексический состав отвлекает внимание на себя, оставляя в тени вклад каждой грамматической категории.

Парадигма предложения представляет собой многомерное теоретическое пространство. Каждая из формирующих ее категорий – это особое, новое измерение объекта. А таких категорий около десяти: лицо-число, наклонение, отрицание, время, аспект, акционсарт, модальность, эвиденциальность (и в это число еще не введены категории темпоральности, эвиденциальности и экспрессивности). Даже если бы все 10 категорий были бинарными, это значило бы, что число форм предложения составляет 1024. Но большинство категорий состоят из гораздо большего числа взаимно противопоставленных форм: так, грамматических лиц известно до 10 (эксклюзив и инклюзив 1-го л. мн.ч., неопределенное лицо, безличность), времен – 4 или 5, наклонений – до 10 и др.

Поэтому потенциальный объем парадигмы огромен – это десятки и сотни тысяч форм. Однако де-факто носители языка активно используют формы, входящие в **ядро** парадигмы. Видимо, у нас есть какой-то алгоритм поведения, какая-то простая система «вывода» производных форм от исходных. **Эта базовая система должна быть проста.**

11. Общее представление о парадигме модели ЭПП как объекте варьирования

Объектом, который варьирует в плане любой из категорий, является **абстрактная модель предложения**, – любая модель. Конечно, не все модели варьируют одинаково, по всем категориям. Однако об исключениях,

о специфике, о неполноте парадигм можно говорить, рассматривая конкретные модели и категории. Модель, естественно, иллюстрируется конкретными предложениями, на материале которых прослеживаются возможности и ограничения варьирования. Иллюстративные предложения должны выбираться с учетом ограничений, поэтому на разных шагах анализа может быть оправдано привлечение разных предложений (и разных моделей).

Грамматические категории, определяющие собой парадигму глагола, определяют и центральную часть грамматической парадигмы предложения как единицы языка. В этих границах глагольная лексема тождественна самой себе. В них сохраняется и тождество предложения с данным, конкретным сказуемым, которое, варьируя грамматически, сохраняет тождество самому себе как единице языка.

Но, имея в виду модель предложения как синтаксической единицы языка, нельзя ограничивать ее теми рамками, которые гарантируют лексическое тождество ее сказуемого. Модель предложения несоизмерима ни с конкретными фразами, ни с первичными обобщениями всех грамматических вариантов фразы при сохранении неизменности составляющих ее лексем. Если речь идет не о потенциальном множестве фраз, по-разному представляющих одну пропозицию, а о предложении как о синтаксической единице языка, этот тип парадигмы слишком узок.

Модель предложения предполагает единую схему грамматических и смысловых отношений между компонентами. Поэтому нужно обсуждать все возможности формально-грамматического варьирования сказуемого как синтаксической функции, а не глагола как лексической единицы. Непременным условием инвариантности модели, сохраняющейся при варьировании форм сказуемого, должно быть тождество структуры пропозиции, а этим предполагается инвариантность отношений между предикатом и актантами, которые задаются валентностями предиката.

Попробуем теперь сформулировать общее представление о парадигме модели ЭПП. Ядром его должна быть охарактеризованная выше потенциальная парадигма грамматического варьирования ЭПП – с опорой на их структурные схемы и с учетом заданных ими предикатно-актантных отношений.

1. Грамматическая парадигма предиката модели определяется системой грамматических категорий предиката (глагола, в частности – связки). Парадигма глагола как части речи исчерпывается четырьмя, а точнее двумя комплексными категориями: лица-числа и времени-наклонения. Грамматическая парадигма предиката определяется всеми грамматическими и лексико-грамматическими категориями, которые, характеризуя действие в данном языке, не меняют системы его валентностей (то есть исключая залоговые трансформации).

2. Вторая сторона парадигмы предложения – грамматическая вариативность именных компонентов. Она определяется количеством и качеством валентностей предиката. Валентность предиката состоит в требовании постановки имен либо в определенной форме (например, тюркские глаголы страха требуют исходного падежа), либо выбора из некоторого набора форм (например, из нескольких падежей прямого дополнения), либо выбора из широкого множества форм, выражающих определенный тип отношений (например, пространственных).

3. Третья сторона определяется лексико-семантическими требованиями и ограничениями, которые модель предъявляет к «заместителям» каждой из позиций модели на лексико-семантическом уровне.

Все предикаты одной глагольной модели объединяет общая для них система валентностей, их количество и качество каждой валентности. По отношению же к именным моделям грамматическим критерием является система валентностей, присущая данному лексико-семантическому варианту предиката, прежде всего, конечно, связочного глагола. Конечно, в экспериментах нужно учитывать разумность, семантическую интерпретируемость сочетания данного предиката с данным актантом, но в принципе, как показал «стихийный эксперимент с фразой о зеленых идеях, которые бешено спят, семантически интерпретировать можно любое грамматически правильное сочетание.

Список использованной литературы

Абдуллаев С. Н. Причастие еще не совершившегося действия в роли зависимого предиката // Структурные и функциональные типы сложных предложений (на материале языков Сибири). Новосибирск, 1982. С. 96–109.

Аскарлова М. А. Способы подчинения и типы придаточных в современном узбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1963.

Бабушкин Г. Ф. О значении и синтаксических функциях деепричастий в тувинском языке // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл, 1959, Вып. 7.

Благова Г. Ф. Имена действия в тюркских языках среднеазиатского региона // Тюркологические исследования. М., 1967.

Боргоякова Т. Н. Падежные формы предикативных причастий как средство выражения связи частей в темпоральных полипредикативных конструкциях // Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983. С. 63–77.

Бродская Л. М. Придаточное как член парадигмы предложения // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980. С. 49–61.

Горелова Л. М. О специфике аналитических форм эвенкийского глагола в функции зависимого сказуемого // Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977. С. 55–75.

Горелова Л. М. Функции эвенкийских причастий и их отношения к деепричастиям // Инфинитивные формы глагола. Новосибирск, 1980. С. 3–31.

Ильина Л. А. Эволюция глагольной категории эвиденциальности (системно-диахроническое моделирование на материале селькупского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.

Курнешко Н. Н., Широбокова Н. Н. Бивербальные конструкции с глаголами бытия в шорском языке. Кемерово, 1991.

Насилов В. М. К вопросу о грамматической категории вида в тюркских языках // Тр. Моск. Ин-та востоковедения. Т. 4. М., 1947. С. 32–52.

Невская И. А. Формы деепричастного типа в шорском языке. Новосибирск, 1993.

Озорова А. А. Модальные аналитические конструкции алтайского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1999.

Ондар Ч. С. Причастные аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1999.

Ооржак Б. Ч. Временная система тувинского языка в сопоставлении с древнеуйгурским и южносибирскими тюркскими языками: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.

Оралбаева Н. О. Аналитические формы глагола в современном казахском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1971.

Предикативное склонение причастий в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1984.

Сат Ш. Ч. Синтаксические функции причастий в тувинском языке. Кызыл, 1960.

Структурные типы полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986.

Тазранова А. Р. Бивербальные конструкции с бытийными глаголами в алтайском языке (в сопоставительном аспекте): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.

Тыбыкова А. Т. Сложные глаголы в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1966.

Черемисина М. И. Деепричастие как класс форм глагола в языках разных систем // Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977. С. 3–28.

Черемисина М. И. Моноsubjектная конструкция. Понятие и типология. // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1979. С. 6–33.

Черемисина М. И. Структурно-функциональные типы конструкций с падежными формами зависимых предикатов // Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982. С. 3–20.

Чиликина К. С. Синтаксическая роль инфинитивов в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1968.

Шамина Л. А. Аналитические конструкции с семантикой множественности деятеля / действия в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 1998. С. 153–164.

Шамина Л. А. Бивербальные причастные аналитические конструкции темпорально-аспектуальной семантики в тувинском языке // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск, 2002. С. 237–241.

Шенцова И. В. Функции вспомогательных глаголов в шорском языке // Социально-культурные процессы в Советской Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 1985. С. 52–56.

Список условных сокращений

∅	нулевая морфема
ABL	отложительный падеж
ACC	винительный падеж
AUX	вспомогательный глагол
CV	деепричастие
DAT	дательный падеж
NOM	именительный падеж
PAST	прошедшее время
POSS	лично-притяжательный аффикс
SG	единственное число